

DOI 10.17150/978-5-7253-3001-4.13

М.А. РОГАЧЕВСКАЯ

УДК 336.746.1(091)(571.1)

ББК 65.03(253)5

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СУЗУНСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА

Рассматривается значение денег для подъема экономики России, обращая внимание на поиск монетных руд в стране с целью достижения независимой денежной системы. Посвящена статья проблеме создания Сибирского монетного двора и особенности закрытого регионального денежного обращения.

Ключевые слова: устойчивость денежной системы, обеспеченность монетным металлом, проблема регионального денежного обращения.

М.А. ROGACHEVSKAYA

ON THE HISTORY OF SUZUN MINT

The author considers the importance of money for the rise of the economy of Russia, drawing attention to prospecting ores, suitable for the production of coins, with the purpose of establishing an independent monetary system in the country. The paper is devoted to the issue of establishing Suzun mint and the peculiarities of closed regional money circulation.

Keywords: the stability of monetary system, the provision of Russia with coinage metals, the problem of regional money circulation.

Появление в России собственного золота и серебра. Петр I в период своего царствования не жалел средств на изыскание «собственных» месторождений монетных руд и на строительство медных и других металлургических заводов.

Будучи в Лондоне в составе «Великого посольства», царь посетил Монетный двор, директором которого был выдающийся ученый Исаак Ньютон. Выслушав лекцию Ньютона о значении проводимой в Англии денежной реформы, ознакомившись с организацией и оборудованием Монетного двора, Петр убедился, что для подъема экономики России необходима развитая промышленность, зависящая от состояния денежного обращения.

Следовало создать денежную систему, соответствующую новым потребностям. За основу царь решил принять общеевропейский «талер», применить машинную чеканку монет. Наряду с золотыми и серебряными монетами, используемыми для закупок за границей промышленного оборудования, требовалось много медной монеты, в которой нуждались

ремесленники, работный люд, розничная торговля. Правительство это хорошо понимало, но для изготовления медных монет необходимо было соответствующее количество меди.

После обнаружения на Урале месторождений красной чистой меди, Петр повелел построить в Екатеринбурге при металлургическом заводе, принадлежавшем семейству Демидовых, монетный двор для чеканки медных монет. Он был оснащен такими же машинами, что и московские монетные дворы. Монетный двор получил собственный отличительный знак, аббревиатуру — «ЕМ» (Екатеринбургская монета). Для монетного производства использовались обнаруженные богатые серебряные и медные руды Урала.

Расширение территории Российского государства, протянувшейся от Балтийского до Охотского моря, вызвало возрастание потребности в деньгах. Для подъема экономики Сибири и самой России требовалось все больше денег. Медная монета, раньше служившая для размена крупной серебряной монеты, теперь превращалась в основную монету.

Наряду с экспедициями, организованными правительством с целью поиска необходимых для промышленности полезных ископаемых, Петр I объявил в 1719 г. «Горную привилегию», которая давала свободу искать руды всем, на всех землях, не считаясь с их собственностью. Этим он привлек к поискам руд множество людей на Урале и в Сибири. Результат не замедлил сказаться. Оказалось, что Россия не обделена природными богатствами, но чаще всего они находятся в малообжитых местах Урала и Сибири. Овладевая ими, Россия получает возможность создать горнозаводскую промышленность на Урале, Алтае, Восточной Сибири. Обнадежили царя и первые реальные указания, на наличие золотых и серебряных месторождений в Нерчинском крае. В 1704 г. начал действовать первый сереброплавильный Нерчинский завод, техническое управление которым осуществлял направленный туда рудознатец и рудоплавильщик А. Левандиан.

Таким образом, первое свое «домашнее» русское золото было обнаружено в Восточной Сибири на Нерчинских рудниках. Присутствовало оно в качестве примеси к серебру. В 1719 г. нашли способ отделить золото от серебра. Полученного золота было мало, но его хватило для изготовления «из золота домашнего» медалей для награждения командного состава в честь Ништадского мира в 1721 г. [5, с. 57]. Петр I был несказанно рад этой «первой ласточке».

Собственная добыча золота стала обнадеживающей после того, как в конце 1740-х гг. на Алтае¹ на Колывано-Воскресенских заводах стали получать золотистое серебро. С этого времени начала уменьшаться зависимость России в драгоценном металле от Запада [13, с. 28].

¹ Само название Алтай происходит от тюрко-монгольского алтан – золотой. Золото там добывалось в глубокой древности, отмечает А.В. Аникин [1, с. 65].

В конце XVII в. русские работные люди набрали в Алтайских горах на медную руду. Узнав об этом, А. Демидов воспользовался Берг-привилегией и в 1725 г. приступил к ее добыче. Анализ руды показал ее высокое качество. Управляющий государственными железными и медными заводами Урала и Сибири В. де Геннин, проверив анализ, подтвердил его, указав, что найденная медь имеет примесь серебра и даже золота. Рудник, получил название «Воскресенский», а весь округ стал называться Колывано-Воскресенским. На основанных рудниках, Демидов построил два медеплавильных завода.

Вскоре Демидовы начали выплавлять из алтайских медных руд и первое серебро и золото [6, с. 138]. После смерти А. Демидова заводы, по указу Елизаветы Петровны, перешли в 1747 г. в распоряжение Кабинета¹, образовав обширный Колывано-Воскресенский округ [11, стб. 847]. В то время на Колыванских рудниках добываемая руда, содержала, столь незначительную примесь серебра (а иногда и золота), что делало, считал Спасский, разделение металлов нерентабельным при уровне техники металлургии XVIII в. [9, с. 138].

С увеличением мощности Колывано-Воскресенских заводов росли и расходы на их содержание. Казна ежегодно выделяла для этого 120 тыс. р.

Объективная потребность Сибири в местном монетном производстве. Сибирь испытывала большие неудобства от недостатка медной монеты. Местные власти неоднократно обращались к правительству Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны с просьбой о чеканке медной разменной монеты на Екатеринбургском монетном дворе. По их мнению, это должно было ускорить доставку монет в Сибирь [13, с. 117].

Сибирь привлекала к себе внимание энергичных людей. Несмотря на трудности, она постепенно, хотя и очень медленно, обживалась: оседали на новых богатых землях переселенцы; много сил и средств было затрачено первыми промышленниками, осваивавшими рудные месторождения, открытые в Западной и Восточной Сибири; началась добыча золота и серебра; развивалась горнорудная, обрабатывающая и перерабатывающая промышленность; строились города: Тобольск (1587), Томск (1604), Иркутск (1686), Барнаул (1730), Омск (1782), Канск (1782) и др. Протянувшийся на многие тысячи верст Московский (Сибирский) тракт² обеспечивал ввоз в огромный регион необходимые ему товары и вывоз из него, прежде всего, мехов, «мягкого золота» России. И хотя товарооборот неуклонно возрастал, хозяйственное освоение Сибири было делом дорогим и долгим. Одной из причин, тормозивших его, был недостаток денег.

¹ Кабинет его императорского величества (е.и.в.) управлял землями, находящимися в личной собственности императорской семьи в России.

² Московский тракт проложили новгородцы «в Югру» до Мангазеи. В XVII в. его сменило южное направление: Казань–Екатеринбург–Тобольск–Каинск. В 1724–1733 гг. была учреждена почта от Москвы до Тобольска и далее до Якутска и Камчатки [12, стб. 565].

Перевозка казенных денег в Сибирь, необходимых для содержания административного управления, острогов, пограничных крепостей, сибирского казачьего войска и других казенных нужд требовала организации специальных караванов и их охраны. Огромных затрат стоила перевозка в Сибирь тяжелых медных пятак.

Назначенный в 1760 г. Президентом Берг-коллегии И.А. Шлаттер знал, что мощность Екатеринбургского монетного двора не в состоянии удовлетворить растущие потребности сибирского региона, и насколько велики сложности, связанные с транспортировкой монеты в отдаленные местности Сибири. У него возникла идея построить монетный двор в самой Сибири. Елизавета Петровна поддержала его.

Однако, практическое решение множества проблем, относящихся к укреплению и развитию денежного обращения в России, в том числе и в Сибири, пришлось осуществлять императрице Екатерине Великой.

Став императрицей, Екатерина II поняла, что, прежде всего, необходимо создать прочную финансовую базу. Участие в Семилетней войне нанесло значительный ущерб казне. Императрица констатировала: «Государственная казна пуста» [13, с. 182].

Узнав о богатых рудах Алтая, Екатерина потребовала от Кабинета, управляющего личной собственностью царской семьи, выяснить состояние дел на кабинетских землях. 18 февраля 1763 г. Кабинет отправил в канцелярию Кольвано-Воскресенского горного начальства соответствующий запрос. 18 июня 1763 г. был получен ответ, содержащий информацию, что на Кольвано-Воскресенских заводах не только имеется значительный запас меди, уже полученной при выплавке серебра, но что и в дальнейшем такая медь будет поступать во вполне достаточных количествах для образования непрерывно действующего монетного производства. Одновременно, канцелярия уточняла, что по причине содержания в этой меди большого процента «серебра и знатной частицы золота», чеканить из нее монеты по стопе, принятой для общегосударственных монет, равной 16 рублям из пуда меди, «...не токмо убыточно, но и сожалетельно» [7, с. 112].

Императрица распорядилась выполнить такие же расчеты президенту Берг-коллегии И.А. Шлаттеру. Взяв за основу фактическую стопу российских серебряных и золотых монет, и величину примесей этих металлов в медной руде, он рассчитал стопу новых монет в 25 руб. из пуда. Результаты он доложил в докладе императрице от 27 августа 1763 г.

Императрица согласилась с расчетом Шлаттера и 7 ноября 1763 г. подписала именной указ о сибирских монетах, которым для сибирских монет утверждалась 25-рублевая монетная стопа.

Сибирские монеты должны были выпускаться шести номиналов: 10, 5, 2, 1 копейка, денга и полушка, ежегодно, на сумму 150 тыс. р. с таким расчетом, чтобы покрыть все расходы на содержание Кольвано-Воскресенских заводов и монетного двора, построенного для выделки сибир-

ской монеты. Эта монета предназначалась для хождения исключительно в Сибири, а чтобы сибирская монета отличалась от обычной медной монеты 16-рублевой стопы, ее требовалось изготавливать особым чеканом. Был одобрен и рисунок штемпелей с использованием изображений фрагментов герба Царства Сибирского.

Сибиряки стремились к тому, чтобы преодолеть меновой обмен, негативно сказывающийся и на воспроизводственном процессе и на возможности удовлетворения бытовых потребностей. Им нужны были деньги, а особая региональная форма монеты их не интересовала. Но когда появилась оригинально оформленная сибирская монета, они очень ею гордились. О возможных последствиях, связанных с замкнутым обращением медных сибирских монет, они не задумывались.

Подъем добывающей промышленности в рудных районах Сибири привел к увеличению численности занятых в ней рабочих. Усилилась земледельческая колонизация, способствующая развитию сельского хозяйства, нацеленного на производство зерновых культур и продукции животноводства. Расширился ареал деятельности торгового капитала, создавая предпосылки для первоначального накопления капитала у местных предпринимателей. Обустраиваясь, Сибирь превращалась в неотъемлемый регион России. Следовало ускорить насыщение Сибири монетами.

Проблема укрепления денежного обращения. Намереваясь подробнее ознакомиться с состоянием денежного обращения в России, Екатерина II поручила И.А. Шлаттеру подготовить для нее специальный аналитический доклад. В ноябре 1763 г. доклад был готов и представлен императрице. В нем, президент Берг-коллегии дал не только обстоятельную характеристику состояния дел в этой важной отрасли государственного хозяйства, но и определил задачи, которые следовало, по его мнению, решить в ближайшее время.

Прежде всего, Шлаттер обратил внимание императрицы на сложившееся в XVIII в. в России соотношение цен на золото и серебро. Он отметил, что в европейских странах правительства придерживаются стандарта, согласно которому золото ценится в 15 раз дороже серебра, тогда как в России — примерно, в 14 раз. Пользуясь этим, иностранцы покупали не только российские империалы и полуимпериалы¹ 1755–1763 гг., но и золото в любом виде, и тайно вывозили за рубеж. Никакие запреты в таком деле не помогали. Чтобы воспрепятствовать оттоку золота из страны, следовало и в России, подчеркнул он, ввести европейский стандарт.

Шлаттер высказался против большого удельного веса медных монет в денежном обращении страны, и, следовательно, против массовой их чеканки. При этом он сослался на европейский опыт. Медные монеты

¹ Империал, золотая монета, содержащая 11, 61 г. золота, чеканилась с 1755 г. номиналом 10 руб. при Елизавете Петровне. Полуимпериал, 5-рублевая золотая монета, содержащая 5, 805 г. золота.

из-за их тяжести неудобны в обращении «и потому у всякого в худой славе», так как перевоз их из города в город «подвержен великому страху и убытку». Медные монеты ценятся менее серебряных, и за одинаковый товар, платить приходится медными деньгами большим количеством монет, чем серебряных [13, с. 213].

Президент Берг-коллегии предложил так же увеличить число монетных дворов. При этом он заметил, что покрывать большие расходы по изготовлению мелкой серебряной монеты следует за счет понижения ее веса, как это делается во всех европейских странах, а не пробы. Выказанные Шлаттером в докладе соображения, касались конкретных вопросов монетного дела и денежного обращения и были направлены на увеличение дохода казны от чеканки золотой и серебряной монеты и более широкое использование европейского опыта.

Значительная часть из его рекомендаций была принята императрицей и реализована. Именным указом от 30 марта 1764 г. в России была установлена пропорция между золотой и серебряной монетой, аналогичная европейской — как 15 к 1. Указ ставил Россию в равные условия с европейскими странами и создавал благоприятные условия для импорта золота и продажи его монетным дворам.

Императрицу беспокоило, что сборы в казну от подати и других налогов поступали на 2/3 медной монетой и лишь на 1/3 серебряной. Требовалось улучшить структуру денежного обращения в России, повысив не только импорт серебра, но и добычу серебра в стране, и увеличив чеканку серебряной монеты. Поскольку в стране было мало серебряной монеты, Екатерина II сосредоточила внимание на упорядочении медного монетного обращения: «дабы она в тягость и ко вреду империи остаться не могла». В этом вопросе позиция императрицы отличалась от взглядов Шлаттера.

Сузунский монетный двор. В современных источниках существуют противоречивые сведения о месте выпуска Сибирской монеты.

Сибирский монетный двор часто называли Колыванским. Колывань имеется в Алтайском крае и в Новосибирской области, и хотя на монетах указывалась аббревиатура «КМ» — «Колыванская медь», никакого отношения к монетному двору они не имеют. Его называли так потому, что он входил в систему Колывано-Воскресенских заводов, построенных А. Демидовым на Алтае. Называли его и Барнаульским поскольку там находилось управление горными заводами.

Для функционирования медеплавильного завода и монетного двора необходимо много воды и древесного топлива. Удобное место нашлось в 1764 г. вниз по реке Оби в 138 верстах к северу от Барнаула, при впадении в Обь реки Нижний Сузун, где имелся великолепный сосновый бор.

Учреждение монетного двора при Медеплавильном заводе в Сузуне непосредственно связано с именем И.А. Шлаттера. Он определил

штат монетного двора и предложил направить специалистов, машины и оборудование с Екатеринбургского монетного двора, принимал участие в разработке внешнего вида монеты. В 1763–1764 г. на Петербургском монетном дворе уже были отчеканены утвержденные Шлаттером первые «образцовые» партии Сибирских монет. На Сузунский монетный двор направили 29 специалистов и 13 станков из Екатеринбурга. В том же году прислали еще 11 человек с Петербургского монетного двора. Подготовили рабочих из числа местных мастеровых. Строительство Монетного двора началось в 1764 г. Одновременно возводились и заводские и жилые строения. Так возник заводской поселок Сузун.

С 1766 г. на Сузунском монетном дворе началась регулярная чеканка медной монеты для Сибири, получившей название «Сибирская Монета» [12, стб. 551].

Пуск Сибирского монетного двора решал двуединую задачу: Сибирь получала необходимые ей монеты, а деньги, которые прежде перевозили в Сибирь, оставались в европейской части России, включая и огромные средства на их транспортировку.

Сузунский двор чеканил медные монеты достоинством в 10, 5, 2, 1 копейку и полушку. «Сибирские монеты» получили право иметь на себе изображение Сибирского герба на всех номиналах, кроме полушки. На монетах, выпущенных в 1766–1767 гг., герб помещался на аверсе (лицевой стороне монеты): под царской короной на полосатой площадке стоят на задних лапах два соболя, повернутые друг к другу, поддерживая передними лапами овальный геральдический щит, на котором указывался номинал монеты и дата; и круговая надпись «Сибирская монета» [12, стб. 549]. На реверсе (оборотной стороне монеты) изображался в обрамлении ветвей: лавровой — слева и пальмовой — справа, вензель Екатерины II — «Е» с вплетенной римской цифрой «II». На полушке герб был изображен неполно (только щит). На десяти, пяти и двухкопеечных монетах на гурте имелась надпись «колыванская медь».

С июня 1766 г. по 1 апреля 1780 г. на Сузунском дворе начеканили монет на 3,5 млн р. На содержание Колывано-Воскресенских заводов и монетного двора, потребовалось менее 3 млн р. Задачу обеспечить нужды алтайской промышленности в деньгах монетный двор успешно выполнил.

Спустя некоторое время выявилось ухудшение качества руды, увеличившее расходы на содержание заводов до 200 тыс. р. в год. Рентабельность двора стала снижаться [2, с. 165–166].

В 1781 г. в соответствии с указом Сената в России был прекращен выпуск всех медных региональных монет. Чеканиться могли только монеты общегосударственного образца. На аверсе пятикопеечной монеты помещался двуглавый орел, под ним буквы «КМ», и на ленте надпись: «Пять копеек». На деньге и полушке на аверсе изображался Георгий

Победоносец на коне, под ним буквы «КМ», на ленте указан номинал монеты. На реверсе — вензель правителя. После реформы Е.Ф. Канкрин «Сибирские» и другие региональные монеты к приему в платежи были запрещены [8, с. 81–82].

Проблемы регионального сибирского монетного обращения. Вырабатывая ежегодно медной монеты на 250–300 тыс. р., Сузунский монетный двор достаточно быстро обеспечил рынок Сибири и Дальнего Востока необходимым количеством монет, способствуя подъему промышленности, земледелия, ремесла. Одновременно, возник ряд непредусмотренных проблем. Правители сибирских губерний, обосновывая необходимость чеканки монет в Сибири, имели в виду получение здесь монет в большем объеме, чем суммы, традиционно привозившиеся денежными караванами. Они гордились своей сибирской монетой, которой было предписано обращаться только в Сибири, не предвидя, возникновения искусственной экономической изоляции региона.

Государственные казначейства по всей России, в том числе и в Сибири требовали от плательщиков уплату налогов и повинностей серебром. На первых порах у предпринимателей и купечества, имевших достаточно ранее полученного серебра, не возникало проблем с уплатой в казну налогов и сборов. Однако их экономическая деятельность, опосредованная медными сибирскими монетами, неизбежно привела их к неожиданным последствиям. Начались трудности со сбытом продукции. Ремесленники, купечество и крестьяне тоже старались продавать свои товары за серебро. Приезжавшие в Сибирь купцы стали отказываться от приема сибирской монеты, которой пользоваться можно было только здесь. Не пропущавшаяся в Россию, сибирская медная монета скапливалась в Сибири, вызвав лаж на серебряную монету. В результате этого, курс сибирской монеты стал падать, и доходы царского кабинета сокращаться.

Стремясь преодолеть ограниченность обращения сибирской монеты, затруднявшую торговлю с другими регионами страны, сибирское купечество через иркутского губернатора Бриля обратилось с просьбой к правительству разрешить хождение сибирской монеты в России. Но Екатерина II на рапорте губернатора наложила резолюцию: «сия (сибирская) монета, например, пятикопеешник гораздо меньше обыкновенного... есть ли сибирскую монету в Россию впустить, то она своей удобностью будет наивяще дискредитировать теперяшнюю 16-рублевую из пуда монету» [12, стб. 550].

Вместо интеграции экономики Сибири в единое экономическое пространство России, образовалась замкнутая региональная экономика, ориентированная в большей мере на мелкое, а не на крупное производство.

Можно предположить, что глубоко разбиравшийся в сущности денежного обращения Шлаттер, предвидел подобное обстоятельство. Еще в 1764 г. он разработал проект 10-, 15- и 20-копеечных серебряных

монет, сам нарисовал эскизы этих монет. Был сделан в том же году их пробный выпуск на Петербургском монетном дворе, но дальше дело не пошло. Все его внимание было сосредоточено на обеспечении пуска и отладки деятельности Сузунского монетного двора. Его жизни не хватило для учреждения в Сибири серебряного монетного производства¹. Серебряных монет в Сибири не выпускали [12, стб. 549].

Со временем местные руды истощились. Медь, получаемая с рудников Алтая, перестала отличаться от обычной меди, поэтому указ от 7 июня 1781 г., прекращая выпуск «сибирской монеты», был объективно оправданным. Завод и монетный двор стали убыточными. Уже изготовленные деньги оставались в обороте, который по-прежнему ограничивался Сибирью, вплоть до указа 1802 г. который разрешил ее обращение по всей России [3, с. 385]. Объемы чеканки с 1820-х гг. стали неуклонно сокращаться. После сильного пожара 1847 г., уничтожившего все монетное производство, восстанавливать единственный за Уралом Сузунский монетный двор не стали [4, с. 386].

Проблема денежного обращения в Сибири теперь решалась иным образом. В Сибири, как и во всей России, укрепилась созданная при Екатерине II бумажно-денежная система.

В настоящее время усилиями ученых-историков, краеведов, энтузиастов совместно с администрацией Сузунского района ведутся работы по восстановлению замечательного памятника истории освоения Сибири — «Сузунский монетный двор».

Список использованной литературы и источников

1. Аникин А. В. Золото: международный аспект / А. В. Аникин — М. : Международные отношения, 1988. — 336 с.
2. Бирюков А. Монетный двор Сибири / А. Бирюков // ЭКО. — 2003. — № 8. — С. 160–170.
3. Монета сибирская // Историческая энциклопедия Сибири : в 3-х т. — Новосибирск : Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2010. — Т. 2. — С. 385.
4. Монетный двор Сузунский // Историческая энциклопедия Сибири : в 3-х т. — Новосибирск : Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2010. — Т. 2. — С. 386.
5. Максимов М. М. Очерк о золоте / М. М. Максимов. — М. : Недра, 1977. — 128 с.
6. Марфунин А. С. История золота / А. С. Марфунин. — М. : Наука, 1987. — 126 с.
7. Прохорова Н. В. Монеты и банкноты России / Н. В. Прохорова. — М. : ООО «Дом славянской книги», 2009. — 352 с.
8. Рогачевская М. А. Российские деньги : учеб. пособие / М. А. Рогачевская, И. А. Новикова. — Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2010. — 172 с.

¹ Сузунский монетный двор начал выпуск медных монет в 1766 г. В последующие годы он контролировал ход производства, а в 1768 г. Иван Андреевич Шлаттер ушел из жизни.

9. Спасский И. Г. Русская монетная система / И. Г. Спасский. — Л., 1970. — 256 с.
10. Алтайский округ // Сибирская советская энциклопедия в 4-х т. — [Новосибирск] : Сибкрайиздат, 1929. — Т. I. — Стб. 85.
11. Кольвано-Воскресенские заводы // Сибирская советская энциклопедия в 4-х т. — [Новосибирск] : Зап.-Сиб. отд. ОГИЗ, 1931. — Т. II. — Стб. 847.
12. Монетное дело // Сибирская советская энциклопедия в 4-х т. — [Новосибирск] : Зап.-Сиб. отд. ОГИЗ, 1932. — Т. III. — Стб. 549–550.
13. Юхт А. И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I / А. И. Юхт. — М. : Финансы и статистика. 1994. — 337 с.

Информация об авторе

Рогачевская Майя Антоновна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и кредита, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 630102, Россия, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6; e-mail: mrogachevskaya@mail.ru

Author

Maya A. Rogachevskaya — PhD in Economics, Associate Professor, Senior Lecturer of the Department of Finances and Credit, Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 6 Nizhegorodskaya St., 630102, Novosibirsk, Russia; e-mail: mrogachevskaya@mail.ru